

БОРИС
СОКОЛОВ

«Без гнева и пристрастия»: кем были декабристы

Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол

ОКСАНА КИЯНСКАЯ

М.: РИПОЛ классик, 2023 – 768 с.



*Борис Вадимович
Соколов (р. 1957) –
историк, филолог, член
ассоциации ПЭН-Москва.*

В новой книге историк Оксана Киянская постаралась взглянуть на эпоху 1820-х сквозь призму биографии одного из лидеров декабристов Сергея Муравьева-Апостола. Это неизбежно побуждает читателей сравнить эту работу с биографией Муравьева-Апостола «Апостол Сергей», написанной Натаном Эйдельманом¹. Киянская не опровергает, а скорее дополняет Эйдельмана. Обычно жанр истории повседневности предполагает определенное дистанцирование от собственно политической истории. Киянской удалось, показывая повседневность эпохи, сделать через нее важные политические выводы. Эйдельман писал трагический портрет романтика, вдохновленного идеалами свободы и отдавшего за них жизнь. Киянская же, рисуя образ, более сложный, своему герою тоже симпатизирует и показывает его довольно парадоксальную мотивацию.

Поскольку среди декабристов преобладали офицеры, то в книге освещена прежде всего жизнь гвардейских офицеров

1 Эйдельман Н.Я. *Апостол Сергей: повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле*. М.: Политиздат, 1975.

НОВЫЕ
КНИГИ



в Петербурге и жизнь армейских офицеров на юге России, где находился второй центр заговора. Для гвардейцев участие в тайных обществах после заграничных походов стало естественным продолжением увлечения либеральными идеями, которые они пытались реализовать на службе, будь то заведение ланкастерских школ, отказ от палочной дисциплины или развитие военного образования. Для армейских офицеров тайные общества с решительными и благородными целями стали своеобразной отдушиной на фоне скуки и рутины повседневной службы, наполненной учениями и смотрами.

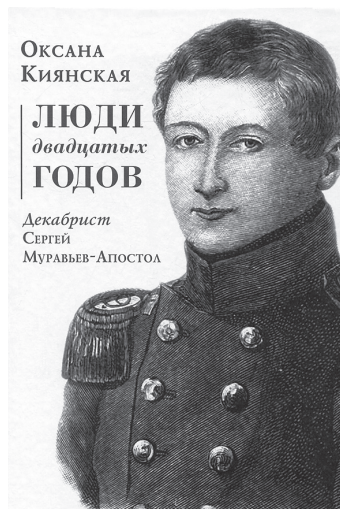
Братья Муравьевы, Пестель, Бестужев-Рюмин, Трубецкой и другие, казненные или отправленные на каторгу декабристы, безусловно, остались в истории, но очень дорогой ценой. Большинство из них вряд ли думали о принесении себя в жертву. И не будь Сенатской площади и восстания черниговцев, планов переворота и цареубийства, многие декабристы, те же Пестель и Сергей Муравьев-Апостол, не говоря уже о Михаиле Орлове и Сергее Волконском, по всей вероятности, сделали бы выдающуюся военную карьеру и вполне могли бы дослужиться до полных генералов. У других, в том числе у Рыльева, были шансы сделать столь же успешную гражданскую карьеру. Но тогда вряд ли о них помнили бы уже через полвека после их смерти. Декабристы же предпочли борьбу за свободу – под которой в самом общем виде понимали отмену крепостного права, обеспечение гражданских прав и свобод и введение конституционной монархии или республики – и практически все остались в истории.

Всплеск интереса к ним начался во второй половине XIX века, а в советское время история декабристов стала одной из культовых тем. Сейчас интерес упал примерно до уровня начала XX века, тема перестала быть модной. В честь декабристов не называют больше улицы и площади, не возводят им памятники, хотя прежние сносить не собираются. Но одновременно тема эта – по крайней мере пока – практически ушла из поля действия цензуры. В советское время негативное отношение к декабристам свелось к минимуму, разве что ритуально поминалась знаменитая ленинская формулировка «страшно далеки они от народа», и все. Киянская же в своих работах старается охватить весь массив источников и дать максимально объемные портреты своих героев, не утаивая ничего. Такой подход часто вызывает критику приверженцев традиционной точки зрения, зародившейся еще в либеральной историографии конца XIX века, но именно он является подлинно научным².

2 Интересный критический обзор научной литературы о декабристах см.: Фельдман Д.М. *Декабристы. Декабристоведение сегодня: терминология, идеология, методология // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы* / Под ред. О.И. Киянской. М.: РГУ, 2008. С. 663–713.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЗ ГНЕВА
И ПРИСТРАСТИЯ»:
КЕМ БЫЛИ ДЕКАБРИСТЫ



В советское время история декабристов была своеобразной отдушиной. Цензура здесь была не столь строга по сравнению с советской историей или с историей революционного движения второй половины XIX – начала XX века. В связи с декабризмом можно было даже положительно отзываться о некоторых либеральных идеях и ценностях, носителями которых были (или представлялись) декабристы. В этих условиях любой негатив, связанный с декабристами, старались минимизировать. Можно ожидать, что сейчас в России, в условиях, когда отечественная история XX века опять попала под государственную цензуру, интерес специалистов к истории декабристов будет возрастать.

В рецензируемой книге подчеркивается, что первые декабристские организации, «Союз спасения» и «Союз благоденствия», еще нельзя считать революционными. Скорее в них пытались выработать какую-то программу реформ, чтобы потом предложить ее правительству, прежде всего в деле просвещения народа. Но уже в 1817 году, по мнению исследовательницы, в сознании части декабристов происходит перелом, поскольку «молодые офицеры впервые поняли, что для реализации планов реформ они императору не нужны» (с. 209). Отсюда и первые планы царевубийства.

Будущие декабристы возлагали надежды на близкого к императору Александру князя Александра Голицына, обер-прокурор Святейшего синода, председателя Библейского общества и министра духовных дел народного просвещения. Киянская пишет:

«Президент Библейского общества одним из первых русских правителей понял силу общественного мнения и старался в своей деятельности опираться на это мнение. Более того, он зачастую сам способствовал возникновению той или иной общественной инициативы. В частности, он пытался внедрить в отечественное образование ланкастерский метод взаимного обучения» (с. 214).

В созданное в 1819 году Общество для заведения училищ по методу взаимного обучения входили многие декабристы, а в полках дивизии, которой командовал декабрист Михаил Орлов, организовывались ланкастерские школы.

«Роль Союза благоденствия в русском обществе 1820-х была сходна с ролью Библейского общества. Библейское общество существовало для поддержки религиозных инициатив министра, Союз же благоденствия – для поддержки его просветительских и гуманитарных инициатив» (с. 217).

Император и его приближенные знали о существовании тайных декабристских обществ, и сами декабристы знали, что влас-

тям известно об их существовании, но это их не волновало до поры до времени. Волновать стало только в тот момент, когда они стали планировать реальный заговор. Киянская пытается найти ответ на вопрос, на который так и не получили ответ от Муравьева-Апостола во время следствия ни начальник Главного штаба Карл Толь, ни сам император Николай I:

«Как вы могли предпринять возмущение с горстью людей? Вы, которые по молодости вашей в службе не имели никакой военной славы, которая могла бы дать вес в глазах подчиненных ваших: как могли вы решиться на сие предприятие?» (Толь).

«Объясните мне, Муравьев, как вы, человек умный, образованный, могли хоть одну секунду до того забыть, чтоб считать ваше намерение сбыточным, а не тем, что есть – преступным злодейским сумасбродством?» (Николай I) (с. 8–9).

Как показывает Киянская, опираясь на переписку Сергея Муравьева-Апостола с отцом, декабрист руководствовался теорией «двух разрядов людей», позднее приведенную Достоевским в «Преступлении и наказании». В письме от 14 мая 1821 года Сергей утверждал:

«Мне кажется, любезный папенька, что люди делятся на два класса: одни рождены, чтобы управлять, другие – быть ведомыми; но и те и другие не всегда исполняют свое предназначение. Высшие люди, то есть те, кому природа предназначила управлять, часто не управляют как раз из-за этого положения превосходства, которое становится слишком очевидным и которое возмущает стадо баранов, поскольку ничто не прощается менее, чем превосходство. Чтобы управлять людьми, надо поступать, как Моисей; после беседы с ним на горе Синай Бог украсил его голову двумя сверкающими лучами – вот и Моисей. Но, поскольку существует несколько разновидностей превосходства и поскольку оно всегда относительно, случается так, что в царстве слепых одноглазые – короли. Возникает ясновидящий – и одноглазые объединяются против него, а слепые идут за ними. Шушукуются; рассказывают, что было сказано такое-то злое словцо, сделано такая-то вещь, при необходимости это выдумывают – и вот создана репутация. С такой репутацией человек, который должен управлять, оказывается в стороне, а посредственности – в довольствии. Этот класс людей так сплочен, что никуда пойти невозможно, чтобы эта репутация не шла впереди и не становилась пугалом даже для умного человека. Любезный папенька, Вы во всех отношениях пережили больше меня; скажите, разве моя теория не находит подтверждение почти всегда на практике!» (с. 678).

Эту теорию Киянская считает ключевой для понимания судьбы Сергея Муравьева-Апостола и многих других декабристов. Как и другие вожди декабристов, он был уверен, что относится

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЗ ГНЕВА
И ПРИСТРАСТИЯ»:
КЕМ БЫЛИ ДЕКАБРИСТЫ

к рожденным управлять, а потому в решительную минуту те, кто относится к другому разряду людей, подчинятся его воле и пойдут за ним. Отсюда и обреченный с самого начала мятеж Черниговского полка. Вероятно, из тех, кто возглавлял восстание на Сенатской площади, многие так же считали себя рожденными вести за собой людей. Киянская указывает, что теория о разделении людей на два разряда была навеяна чтением Гесиода и Макиавелли, которые, однако, прямо о разделении людей не писали, так что Муравьеву-Апостолу пришлось додумать за них (с. 299).

Павел Пестель, по теории Муравьева-Апостола, несомненно, принадлежал к первому разряду людей. Он, как показала Киянская, использовал казенные денежные средства для финансирования будущего переворота. В биографии Пестеля исследовательница доказывает, что, будучи назначенным командиром Вятского пехотного полка, он пытался взыскать со своего предшественника, полковника Павла Кромина, которого обвинил в растрате, огромную сумму более, чем в 30 тысяч рублей. А когда это не удалось, Пестель получил довольно значительные суммы за счет вещевого довольствия, экономии на продовольствии в летних лагерях и незаконных операций с казенными средствами. В частности, ему удавалось дважды получать средства от казны на одни и те же расходы. Всего Пестель присвоил порядка 60 тысяч рублей, из которых более трети пошли на подкуп непосредственных начальников и некоторых чиновников. Но и оставшихся денег Вятскому полку – и, возможно, не только ему – должно было хватить для похода на Москву и Петербург³. Отсутствие необходимых финансовых ресурсов как раз и стало одной из причин неудачи восстания Черниговского полка.

Киянская, освещая конфликт Пестеля с другим декабристом, Иваном Бурцовым – членом Коренного совета «Союза благоденствия» и будущим генералом, – отмечает:

«Бурцов видел большую возможность успеть в жизни гражданской и потому иногда желал, чтоб какой-либо государственный человек, подобно Мордвинову, Сперанскому или приближенная особа к государю, принял первоначальное общество под свое покровительство и направил согласно воле правительства».

Отсюда исследовательница делает интересный вывод, продолжая эйдельмановскую традицию рассмотрения исторических альтернатив:

«В этих спорах – развилка истории российского заговора: если бы победил Бурцов и его сторонники, “добродетельные граждане”, если бы им удалось оттеснить Пестеля от руководства тайным

3 См.: Киянская О.И. *Пестель*. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 186–198.

обществом, история пошла бы, вероятно, по другому пути. Однако их победа после 1820 г., когда в России началась реакция, реформы были свернуты, а император из “Благословенного” превратился в глазах подданных в тирана, уже вряд ли была возможна» (с. 328).

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЗ ГНЕВА
И ПРИСТРАСТИЯ»:
КЕМ БЫЛИ ДЕКАБРИСТЫ

Киянская впервые выделила важную роль в заговоре декабристов Алексея Юшневского, генерал-интенданта 2-й армии и друга Пестеля. По ее словам, «без Юшневского запланированная Пестелем “военная революция” состояться просто не могла», так как только он обладал возможностями заранее подготовить запасы продовольствия и фуража для запланированного похода восставшей 2-й армии на Петербург (с. 349). Расчет Пестеля строился на том, что, имея членами Южного общества нескольких командиров полков, а также популярного в войсках командира бригады, генерал-майора Сергея Волконского, получившего этот чин в 24 года (с лета 1825 года и вплоть до ареста он исполнял должность командира пехотной дивизии), удастся увлечь в поход на Петербург всю 2-ю армию, а также войска других армий, которые примкнут во время похода.

По поводу того же Сергея Волконского автор книги замечает, что в случае победы революции он точно лишился бы половины своих обширных земельных владений, равно как и его мать, и братья. Достигнуть же он мог в лучшем случае чина полного генерала и поста военного министра. Но по крайней мере стать полным генералом у него были все шансы и без революции (с. 355).

Как утверждает Киянская, «готовя революцию, Пестель не мог делать ставку на [...] верных, либерально настроенных, но совершенно не готовых к решительным действиям» (с. 363). Карикатура на подобных либеральных болтунов – Репетилов из комедии Александра Грибоедова «Горе от ума» с его знаменитым «Шумим, братец, шумим». Пестель опирался прежде всего на Волконского и Юшневского, а также на молодых офицеров-квартирмейстеров при штабе 2-й армии. Все они должны были в нужный момент организовать поход на Петербург. Выступление планировалось на лето 1826 года, но развязка, как известно, наступила на полгода раньше. Во время переворота предполагалось царевубийство, что должно было освободить войска от присяги императору и облегчить их привлечение на сторону революции. Устранение императора, по замыслу Пестеля, должно было быть осуществлено группой лиц, формально не состоявших в тайных обществах, и послужить сигналом к выступлению армии.

Киянская показывает трагедию Пестеля, который многими единомышленниками воспринимался как будущий узурпатор типа Наполеона:



«От многих других членов тайных обществ Пестеля отличала откровенность. Вынужденный много лет вести двойную жизнь, единомышленникам он договаривал свои идеи до конца. Идеи же эти – цареубийство, уничтожение императорской семьи, необходимость военной революции и установления диктатуры после победы – казались “нравственным” членам тайных обществ совершенно аморальными. Он хотел, чтобы тайная организация строилась на безусловной дисциплине, подчинении рядовых участников воле руководителей, и прежде всего своей собственной. Ему не без оснований казалось, что победить можно только так. Но многие другие заговорщики полагали, что заговор должен строиться на демократических принципах; Пестель же им казался узурпатором» (с. 322).

Сейчас задним числом понятно, что в России столь радикальные реформы, которые предлагал Пестель в «Русской правде», можно было бы осуществить только в условиях диктатуры.

Если Пестель верил, что победу принесет тщательная и заблаговременная организация революции, то Сергей Муравьев-Апостол, ориентируясь на лидера греческого восстания Александра Ипсиланти и вождя испанской революции Рафаэля Риго, делал ставку на сильную волю сильных личностей. Он считал, согласно показаниям декабриста Александра Поджио, что залог победы – это «железная воля нескольких людей», «энергичных вождей», которая может «привести к возрождению народ разобщенный, темный и униженный». При этом «масса ничто, она будет тем, чего захотят личности, которые все» (с. 380). Думаю, что в реальности революция могла бы победить только в случае реализации плана Пестеля (хотя шансы на это были невелики). Муравьев-Апостол на собственном трагическом опыте неудачного восстания Черниговского полка убедился, что одна только железная воля предводителя восстания не может обеспечить его успеха.

По убеждению Киянской, особенностью религиозных воззрений Сергея Муравьева-Апостола в последние годы жизни «было соединение традиционного для Александровской эпохи мистицизма с убеждениями радикального революционера», благодаря чему он превратился «в обаятельного, яркого, харизматичного “Апостола Сергея” (выражение Н.Я. Эйдельмана)» (с. 408). Однако эта харизма не помогла «Апостолу Сергею» во время мятежа Черниговского полка. Солдаты вышли из повиновения, и выступление было обречено на провал еще до встречи с правительственными войсками. Брат же Сергея, Матвей Муравьев-Апостол, «некогда “веселый и приятный товарищ”, занимаясь делами тайного общества, так и не смог “изменить свой печальный характер”» (с. 485–486).

Характеризуя Михаила Бестужева-Рюмина, ближайшего друга Сергея Муравьева-Апостола, автор книги пишет:

«Бестужев-Рюмин, как и Матвей Муравьев-Апостол, не был создан для военного “ремесла”, не умел “повиноваться”, в детстве мечтал стать дипломатом. Зато он был блестяще образован, обладал ораторским талантом и организаторскими способностями. Но ни государству, ни обществу эти его качества не были нужны» (с. 314).

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЗ ГНЕВА
И ПРИСТРАСТИЯ»:
КЕМ БЫЛИ ДЕКАБРИСТЫ

К тому же Михаил Бестужев-Рюмин «не признавал несвободы, накладываемой службой, с разрешения и без разрешения полкового командира “многогранствовал”, уезжая из полка» (с. 408). Сергей Муравьев-Апостол ввел его в тайное общество и тем самым придал его жизни смысл. Киянская подчеркивает как сходство, так и различие между Пестелем и Бестужевым-Рюминым:

«И Пестель, и Бестужев-Рюмин использовали в конспиративной деятельности “нечестные” с точки зрения “чистой морали” методы. Обоим был присущ «моральный релятивизм», но подпоручик маскировал “релятивизм” профессиональной ораторской “чувствительностью”» (с. 411).

Благодаря своему ораторскому мастерству Бестужеву-Рюмину удалось сагитировать руководителей Общества соединенных славян присоединиться к Южному обществу. Талант переговорщика определили его высокий статус среди декабристов.

В книге речь идет главным образом о тех декабристах, которые были членами Южного общества. Из «северян» подробнее говорится о поэте Кондратии Рылееве, который перед выступлением 14 декабря стал фактическим руководителем Северного общества, создав в нем особую «рылеевскую отрасль». Киянская указывает, что влияние Рылеева во многом определялось его должностью правителя канцелярии Российско-Американской компании – крупнейшей торгово-промышленной компании России: «Рылеев сформировал кружок радикально настроенных молодых офицеров, литераторов и служащих Российско-Американской компании, для которых он стал единственным начальником». Особенно тянулись к Рылееву гвардейские морские офицеры. Это было связано с тем, что после войн с Наполеоном Балтийский флот практически постоянно находился на приколе. Швеция, объявившая постоянный нейтралитет, перестала быть противником. Дания осталась нейтральной и к тому же после захвата британцами в 1807 году датского флота почти не имела боевых кораблей. Германские государства в то время военных флотов на Балтике не имели. С британским же флотом, если бы он вдруг появился на Балтике в качестве враждебной силы, русский Балтийский флот тягаться все равно не мог, даже если бы его удалось усилить кораблями с Черного моря. Поэтому у морских офицеров в северной столице единственным



шансом выйти в море было наняться на суда Российско-Американской компании, вынужденные совершать кругосветные путешествия для снабжения Аляски. А нанимал их Рылеев. Именно у него возник план вместо царевубийства вывезти царскую семью в Америку на судах компании, однако этот план не был принят (с. 488).

Отношение к гвардейскому полковнику, князю Сергею Трубецкому, о котором миллионы советских школьников знали только то, что он в решающий момент, назначенный «диктатором», не вышел на Сенатскую площадь, что послужило одной из причин неудачи восстания, в книге весьма положительное:

«Биография Трубецкого – это биография опытного военного, умевшего исполнять сложные и ответственные поручения, а потому ценимого и любимого начальством. Кроме того, это биография отважного заговорщика» (с. 518).

Последний год перед восстанием Трубецкой провел в Киеве и контактировал с руководством Южного общества. По словам Киянской, конфликт Трубецкого с Пестелем имел чисто личный, а не идейный характер, поскольку «в Пестеле князь видел своего главного конкурента, способного отобрать у него лавры организатора русской революции. В случае же победы организатор мог претендовать на верховную власть в стране» (с. 528). В противостоянии с Пестелем Трубецкой пытался опереться на Сергея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина. И на следствии Муравьев-Апостол подтвердил, что за время своего пребывания в Киеве Трубецкой «сблизил» два тайных общества «более, чем когда-либо». Был даже назначен срок общего выступления – май 1826 года, чуть раньше, чем предлагал Пестель. При этом Трубецкой предполагал, что Пестель возглавит 2-ю армию и возьмет с ней Киев, поскольку в Петербурге он князю был совсем не нужен. Войска 1-й армии на Петербург должен был вести Муравьев-Апостол, чтобы потом возглавить гвардию, а на Москву – Бестужев-Рюмин во главе 3-го пехотного корпуса (с. 532). Замечу, что, если бы восстание действительно началось весной или летом 1826 года, Пестель вряд ли согласился бы с такой диспозицией. И Киянская справедливо полагает, что этот план для Трубецкого был лишь средством отдалить Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина от Пестеля. На самом деле князь видел во главе гвардии генерал-майора Михаила Орлова, а «подпоручик Бестужев-Рюмин, конечно же, вовсе не мыслился Трубецким в качестве руководителя идущих с юга революционных войск» (с. 535). Также Трубецкой имел определенные виды на командира 4-го корпуса, князя Алексея Щербатова, который, кстати сказать, проявил полную пассивность при подавлении восстания Черниговского полка.

Киянская также отмечает, что многие негативные характеристики Пестеля, укрепившиеся в историографии, восходят к показаниям Трубецкого на следствии, когда князь, спасая собственную жизнь, стремился выставить Пестеля главным злодеем:

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЗ ГНЕВА
И ПРИСТРАСТИЯ»:
КЕМ БЫЛИ ДЕКАБРИСТЫ

«Согласно Трубецкому, Пестель был злым и жестоким честолюбцем, который рвался к диктаторской власти и ради власти был готов на все. В том числе и на цареубийство. [...] Собственно, цель общества в столице, как и личная цель Трубецкого, согласно его показаниям, состояла в противодействии Пестелю. Не будь его, все заговорщики давно бы разошлись и 14 декабря бы не случилось» (с. 546–547).

Следователи, разумеется, в эти сказки нисколько не поверили. Впрочем, князь-рюрикович Трубецкой зря волновался за свою жизнь. Николай по делу декабристов ни одного титулованного дворянина не казнил. Хотя некоторые из них по своей роли в заговоре вполне могли бы взойти на эшафот. Кроме Трубецкого, кандидатами на повешенье могли оказаться князь Сергей Волконский и князь Евгений Оболенский. Последний нанес смертельную рану штыком на Сенатской площади генералу Милорадовичу. Но за убийство Милорадовича на виселице оказался только Петр Каховский, смертельно ранивший Милорадовича выстрелом из пистолета. Вероятно, если бы Бестужев-Рюмин принадлежал к графской ветви Бестужевых-Рюминых, угасшей еще в 1768 году, у него были бы все шансы отделаться каторгой, а не виселицей.

Неявку Трубецкого на Сенатскую площадь Киянская объясняет его противоречиями с Рылеевым:

«Вероятно, Рылеев и Трубецкой – разыгрывая каждый свою карту в сложной политической игре – пытались в этой игре использовать друг друга. И именно это взаимное недоверие оказалось роковым для успеха восстания. Не желая играть в игру Рылеева, князь 14 декабря 1825 г. на площадь не вышел» (с. 551).

Как и многое другое, связанное с декабристами, это предположение нельзя считать доказанным, но и фактов, его опровергающих, пока что не найдено.

Киянская излагает показания Трубецкого на следствии, повторенные потом в мемуарах, что он планировал вывести не присягнувшие Николаю полки за пределы Петербурга, ожидая, что правительство вступит с ними в переговоры. Но исследовательница справедливо ставит эту версию под сомнение:

«Император, создающий мятежникам комфортные условия для мятежа и добровольно соглашающийся на их требования – при том, что гвардия была лишь небольшой частью огромной российской армии, – выглядит в показаниях Трубецкого экстравагантным само-



убийцей. Руководитель же восстания, планирующий захват власти в столице и выводящий для этого из столицы верные себе части, и вовсе кажется умалишенным. И совершенно непонятно в связи с этим, откуда у Трубецкого могла возникнуть уверенность, что “окончание будет по желанию”» (с. 555).

Показания Трубецкого на следствии Киянская весьма точно характеризует как «смесь полуправды с откровенной ложью», призванной спасти его от эшафота. Однако Киянская выдвигает и альтернативную версию, которая противоречит ее же выводу:

«Главной задачей, которую ставил себе диктатор перед решающим днем, могла быть задача длительной дестабилизации ситуации в Петербурге. Тем самым перед его сторонниками в 1-й армии открывалась возможность начать решительные действия. Поэтому идея вывода войск за город была не столь уж фантастической: чем дальше войска отошли бы от столицы, чем дольше с ними вели бы переговоры – тем больше времени продолжался бы паралич центральной власти» (с. 556).

Но только что Киянская же вполне убедительно доказала, что у правительства не было особых резонов вступать в переговоры с мятежниками и что гораздо выгоднее было иметь восставшие войска в Петербурге, чем вне его.

Одной из главных мишеней для критики со стороны декабристов стали военные поселения, введенные по инициативе графа Аракчеева. Киянская справедливо отмечает:

«Послевоенный экономический кризис привел к тому, что содержание миллионной армии стало России не по карману, а демобилизация солдат – в условиях рекрутского набора – оказалась невозможной. Идея состояла в том, чтобы “поселить” солдат на землю, заставить их кормить самих себя, то есть хотя бы отчасти сделать армию самокормимой» (с. 227).

И тут же она приводит мнение Пестеля, который как «умный и дальновидный современник, прекрасный специалист в военном деле» полагал, что «государственные “выгоды” от поселений – “мнимые”: в военное время поселения не спасут страну от рекрутского набора, соединение военного и крестьянского сословий, оседлость солдат лишит армию “воинского духа”» (с. 228).

Необходимо добавить, что боеспособность полков из военных поселенцев была низкой. Их моральный дух был невысок, поселенцы были плохо обучены. Хозяйство же их было неэффективно, так как большинство солдат уже утратили земледельческие навыки, и к тому же у них слишком много времени

отнимала военная муштра. Из-за тяжелых условий в поселениях была высокая смертность. Тем не менее упразднили военные поселения только в начале царствования Александра II, в 1857 году. Неудивительно, что одним из требований декабристов стало уничтожение военных поселений.

Интересно, что отец Сергея Муравьева-Апостола, Иван Муравьев-Апостол, был близко знаком с отцом другого декабриста, Павла Пестеля, генерал-губернатором Сибири Иваном Пестелем. В письме к сыну Павлу Иван Пестель рассказывал, что, обратившись к помощи всеильного графа Алексея Аракчеева, «сумел закончить дело» о наследстве богатейшего помещика Михаила Апостола в пользу Ивана Муравьева-Апостола: «Теперь Мур[авьев]-Апостол возносит меня до небес, называя меня благодетелем и спасителем всей его семьи; мне это доставляет удовольствие, поскольку атт[естация] верна» (с. 48).

Иван Муравьев-Апостол, который радости жизни предпочитал прочим вещам, по определению Киянской, в борьбе «против рутины и косности» был очень осторожен: «мнения свои выражал, соглашаясь с раскладом политических сил, успешно лавируя между разными политическими группами» (с. 78). Его сыновья-декабристы, Сергей, Матвей и Ипполит, политически оказались куда более радикальными. Тем не менее, основываясь на сохранившейся обширной семейной переписке Муравьевых-Апостолов, Киянская делает вывод:

«В этой семье сыновья нисколько не сердились на отца за то, что он не занимался их воспитанием, любили и уважали его, советовались с ним, сверяли с его мнением буквально каждый шаг собственной жизни. Отец же вникал в их проблемы, помогал советами, как мог, заботился о них» (с. 86).

Однако при этом «даже случайные люди были в курсе, что отец Сергея “ему ничего не дает” и сын-офицер “даже мало имеет на пропитание”» (с. 88). Что еще важнее, «во второй, главной, конспиративной жизни сыновей для отца места не было» (с. 93). По мнению Киянской, в том, что три брата Муравьевы-Апостолы стали декабристами, главной была заслуга матери: «Анна Муравьева была самостоятельной личностью – и ее дети выросли такими же. Главным результатом педагогических усилий Муравьевой оказалось, конечно же, воспитание троих сыновей, будущих декабристов» (с. 111).

Для Сергея Муравьева-Апостола, как и для многих других представителей столичного дворянства того времени, родным был французский язык. Поэтому он писал отцу длинные письма по-русски, чтобы практиковаться в русском письменном. В одном из посланий он признавался:

«Я чувствую сам, как я далек еще от того, чтобы писать хорошо, но вы представить себе не можете, как уничивает меня мысль, что я не умею владеть моим отечественным языком и, может быть, никогда уметь не буду. Это меня убивает. Я дорого бы дал, чтобы совершенно забыть французское [произношение]» (с. 87).

Киянская также отмечает:

«Не был лишен Сергей и военного тщеславия: из его переписки с отцом следует, что, например, в 1821 г. он очень хотел участвовать в войне за “дело” греков, восставших против турецкого владычества. Но желание его было продиктовано не только сочувствием восставшим. “При том звании, в каком я сейчас, мне надо успешно служить еще восемь лет по меньшей мере, чтобы стать генералом, чин, который я смогу получить через год при первой же войне”, – писал он отцу» (с. 131).

Замечу, что желание помочь греческим повстанцам могло усиливаться чувством, что в его жилах течет греческая кровь. Ведь Муравьевы-Апостолы были потомками гетмана Украины Даниила Апостола, который в свою очередь был сыном переселившегося на Украину во времена Богдана Хмельницкого Павла Апостола из Валахии – представителя, как и Ипсиланти, боярского фанариотского рода.

Муравьевы-Апостолы были в родстве с поэтом Василием Капнистом (его сын Семен был женат на дочери Ивана Муравьева-Апостола – Елене). Интересно, что Капнист, несмотря на греческое происхождение, являлся искренним поборником украинской самостоятельности. Как отмечает Киянская, поэт «был отчаянным сторонником малороссийской независимости. Среди его поэтических произведений – “Ода на рабство”, написанная по поводу указа Екатерины II от 3 мая 1783 г., закрепившего малороссийских крестьян». Дочь Капниста, Софья, вспоминала об отце: «Одно желание его было – восстановить прежнее благоденствие и богатство Малороссии и оживить, так сказать, народ, помнящий еще свою свободу» (с. 144). Сергей Муравьев-Апостол, который не помышлял о независимой Украине, в одном из писем к отцу с иронией отзывается о Капнисте, применяя к нему свою теорию двух разрядов людей: «он одноглазый в довольно многих отношениях, и он король слепых малороссов» (с. 678).

Киянская также связывает идею украинской автономии с фигурой генерал-губернатора Малороссии, князя Николая Григорьевича Репнина – старшего брата декабриста Сергея Григорьевича Волконского. Матвей Муравьев-Апостол служил адъютантом Репнина, и это было не случайно, поскольку «князь собирал вокруг себя людей со звонкими украинскими

фамилиями. Так, отец поэта Василия Капниста принадлежал к казацкой старшине, главный советник Репнина по крестьянскому вопросу, богатый помещик Семен Кочубей был потомком Генерального судьи Василия Кочубея, казненного Мазепой. И, конечно, присутствие в штабе праправнука гетмана Даниила Апостола не могло не импонировать генерал-губернатору». Как показано в книге, «в высшем свете шли разговоры о сепаратизме Репнина», тем более, что он был женат на внучке последнего гетмана Кирилла Разумовского, Варваре (с. 239). Репнин просил у императора «разрешения открыть здесь... совещание, в коем бы участвовали маршалы [*предводители дворянства*. – Б.С.] и по два депутата от каждого повета» во главе с собой. Работа же этого совещания «может способствовать к восстановлению со временем прав малороссийских крестьян [*то есть отмене крепостничества*. – Б.С.], статутом и манифестами предков Вашего императорского величества утвержденных», но отмененных Екатериной II. Император Александр просьбу князя проигнорировал (с. 241). Декабристы имели определенные виды на Репнина, вряд ли основательные. Князь учитывал, что к концу 1810-х сторонники украинской автономии «среди малороссийского дворянства, по-видимому, составляли большинство – и недовольство великороссийской политикой возрастало» (с. 238), но вряд ли он думал о каких-то реальных шагах.

Поколение, которое она исследует, Киянская определяет следующим образом:

«Люди двадцатых годов» – это поколение молодых дворян, вызванное к жизни Отечественной войной и не знавшее взрослой довоенной жизни. Их активное участие в общественной деятельности пришлось на поздний период Александровского царствования. Отличительной чертой этого поколения было романтическое мировосприятие» (с. 16).

Одной из причин появления декабристов, как доказывается в книге, было то, что мирная жизнь не могла заменить прежних военных переживаний. Матвей Муравьев-Апостол объяснял следователям, что «революционные мысли» появились и окрепли в России потому, что «гарнизонная жизнь», в которую окунулись возвратившиеся с войны в столицу офицеры, «не могла удовлетворить» их желания и «заменить прежних оущений» (с. 223).

Иван Муравьев-Апостол в своем главном литературном произведении «Письма из Москвы в Нижний Новгород» запечатлел трагический исход населения из Москвы во время наполеоновского нашествия:

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЗ ГНЕВА
И ПРИСТРАСТИЯ»:
КЕМ БЫЛИ ДЕКАБРИСТЫ

«Видел всю дорогу от Москвы до Владимира, усеянную гражданами, ищущими спасения в бегстве; видел – с грудными младенцами бледных матерей, в отчаянии подымающих к небу слезами наполненные глаза; видел на одной повозке целые семейства, вчера – богачей, сегодня – нищих в рубищах и без пропитания; видел телеги, наполненные израненными, умирающими пленными, которые на трех или на четырех разных языках проклинали коронованного их разбойничьего атамана» (с. 53–54).

Из-за войны 1812 года Сергей Муравьев-Апостол так и не окончил институт Корпуса инженеров путей сообщения, так как всех студентов, кто успел сдать два экзамена и получить чин подпоручика, забрали в армию. В институт никто из них после завершения войны с Наполеоном не вернулся. Глава института, генерал Августин Бетанкур, жаловался императору, что молодые люди, «получив вне института чин, единственную цель их стремлений... с трудом возвращаются к занятиям». В результате из 29 человек, поступивших в институт в 1810 году, полный курс окончили в 1813-м всего четыре человека – лучшие ученики, которых не отпустили на войну (с. 173). Киянская рассказывает об успешной карьере многих однокурсников Сергея Муравьева-Апостола по институту. По крайней мере шестеро из них стали полными генералами. Если бы Муравьев-Апостол не был казнен, а продолжал службу, у него, с учетом его способностей и умения ладить с начальством, а также войн, которые вела Российская империя во второй половине 1820-х и в 1830-е, были бы все шансы стать генералом, как он и мечтал. Киянская подчеркивает:

«Сергей Муравьев-Апостол с юности был хорошим офицером, любил свое “ремесло”, у начальства до конца 1825 г. был на хорошем счету. Служба его – за исключением несправедливого перевода из гвардии в армию в конце 1820 г. – складывалась удачно. Сергей Муравьев-Апостол был убежден, что “повиновение есть единственный долг подчиненного”, а человек военный “всегда должен желать войны”» (с. 130).

Можно согласиться с выводом автора рецензируемой книги: «не случись событий 1825–1826 гг. – полк под свою команду Сергей Муравьев-Апостол, безусловно, получил бы, а семеновское прошлое со временем было бы предано забвению» (с. 287). Киянская отмечает:

«Военное прошлое приучило молодых дворян к мысли, что от их личной воли, старания, мужества зависит судьба отечества. Герои Бородина и Тарутина, Люцена, Бауцена, Кульма и Лейпцига, бравшие Париж, кавалеры множества орденов, получившие золотые шпаги “За храбрость”, они действительно «привыкли к сильным ощущениям». [...] Вернувшись в Россию, офицеры осознали, что

для того, чтобы быть “действующими лицами истории”, следует учиться. Послевоенная эпоха – это эпоха повального увлечения молодых дворян науками, и прежде всего науками военными. Увлечение военными науками спровоцировал император Александр, и до и после войны поощрявший армейское реформаторство. Так, в декабре 1815 г. был организован Главный штаб – орган, в котором соединялись “все части военного управления в высшем их отношении”. Начальник Главного штаба, генерал от инфантерии, князь Петр Волконский, был докладчиком императору по всем военным вопросам» (с. 195–197).

Замечу, что будущий фельдмаршал Петр Волконский послужил прототипом князя Андрея Болконского, одного из главных героев «Войны и мира» (в Аустерлицком сражении он совершил тот же подвиг, который в романе совершает князь Андрей), но, в отличие от толстовского героя, начальник Главного штаба явно не чувствовал себя «лишним человеком».

Молодые офицеры, сокрушившие Наполеона, считали, что обязанность правительства – проведение реформ, которые так или иначе ограничили бы самодержавие, упразднили бы крепостное право и гарантировали бы подданным права и свободы. И в первые послевоенные годы эти надежды еще сохранялись. Была дарована конституция Царству Польскому, отменено крепостное право в трех прибалтийских губерниях. В 1818 году, открывая заседание польского парламента, император заявил, что «законно-свободные учреждения» хорошо бы распространить на всю Россию (с. 202). Но Александр I окончательно переменялся после «Семеновской истории», когда стихийное возмущение солдат лейб-гвардии Семеновского полка жестоким поведением полкового командира в октябре 1820 года привело к переформированию полка и ссылке почти всех офицеров из гвардии в армию, причем для большинства – совершенно незаслуженно. Под эту историю попали Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы, причем абсолютно несправедливо. Сергей во время мятежа сумел удержать контроль над своей ротой. А Матвей вообще давно уже находился вне полка, являясь адъютантом князя Николая Репнина, генерал-губернатор Малороссии. Впрочем, Киянская отмечает, что возникший конфликт частично стал следствием некоторых свойств, присущих офицерам-семеновцам: «Завышенные представления офицеров о собственном месте и в мире, и в гвардии привели к тому, что командование полком было делом весьма рискованным» (с. 252). Император же приписывал «Семеновскую историю» деятельности тайных обществ, хотя никаких доказательств, что они имели хоть какое-то отношение к выступлению солдат Семеновского полка, найдено не было.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЗ ГНЕВА
И ПРИСТРАСТИЯ»:
КЕМ БЫЛИ ДЕКАБРИСТЫ



Сергей Муравьев-Апостол в отношении с солдатами исповедовал принципы гуманизма и никогда не прибегал к телесным наказаниям, хотя некоторые другие декабристы не были столь щепетильны. Например, поручик Анастасий Кузьмин, игравший самую активную роль в восстании Черниговского полка и застрелившийся после разгрома восставших, «не брезговал палочными методами воспитания солдат». Матвей Муравьев-Апостол рассказывал в мемуарах:

«Приехав к брату в 1823 г., увидел “учебную команду Черниговского пехотного полка”, которой руководил Кузьмин, а “инструкторы, унтер-офицеры, держали в руках палки, концы которых измочалились от побоев”. Матвей сделал выговор Кузьмину, “приказал бросить палки и уехал”. Он ждал от Кузьмина вызова на дуэль, на которой Сергей Муравьев-Апостол, чей приказ не бить солдат Кузьмин нарушил, хотел быть секундантом. Вызова, однако, не последовало» (с. 291–292).

Затрагивает Киянская и тему участвовавших в восстании солдат Черниговского полка, ранее разжалованных из офицеров, в том числе и тех, которые фигурируют в книге Эйдельмана: Дмитрия Грохольского и Игнатия Ракузы (их разжаловали с лишением дворянства), а также Флегонта Башмакова, дворянство сохранившего (он состоял в Южном обществе, но в восстании не участвовал). Как показано в книге, «приговоры армейских судов по делам Грохольского, Ракузы и Башмакова нельзя считать следствием несправедливости, произволом властей» (с. 292). Башмаков растратил более 29 тысяч рублей казенных денег, да еще оклеветал двух офицеров. Ракуза, будучи пьяным, не отвел на квартиры роту, а также обвинялся в оскорблении батальонного командира. Грохольский был разжалован за «дерзкие грубости» в адрес батальонного командира и драку с ним. По поводу этих малоизвестных участников декабристского движения Киянская в другой своей книге писала:

«Лицо декабризма определяют не только лидеры тайных обществ. В обоих восстаниях зимы 1825–1826 годов велика роль рядовых участников событий, тех, о ком почти никогда не пишут книг и статей. Невнимание к биографиям этих людей несправедливо. Судьбы их, безусловно, достойны изучения, ибо результаты этой работы способны существенно обогатить наши представления о 20-х годах XIX века. Борьба за свободу, за равенство, за человеческие права уживалась в членах тайных обществ с беспощадностью к конкретной человеческой личности, с ложью, подкупом и предательством»⁴.

4 Она же. *Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка*. М.: Форум; Неолит, 2016. С. 253.

Это принципиальный подход исследовательницы не только к декабристам, но и к любым историческим личностям. Она стремится каждую из них рассмотреть максимально объективно, принимая во внимание разные стороны. Такая позиция противостоит как прежней романтизации декабристов, когда у них не хотели видеть никаких негативных или спорных черт, так и к ставшему в последние годы модным среди людей, близких к нынешней российской власти, низведению их до уровня негодяев-бунтовщиков.

Но вернемся к восстанию декабристов. По мнению Киянской, если бы Ипполит Муравьев-Апостол не задержался на сутки на пути к Москве, а затем не потерял бы четыре дня в первопрестольной, то он мог бы на пять дней раньше, то есть утром 25 декабря, еще до ареста брата Сергея и до того, как начальство узнало о событиях в Петербурге, передать ему указание Трубецкого начать восстание, то «вполне возможно, что тогда бы исход поднятого Сергеем Муравьевым-Апостолом восстания Черниговского полка был бы другим» (с. 572). С подобным заключением трудно согласиться. Наверное, выступление Черниговского полка тогда было бы более организованным, удалось бы избежать публичного избиения полковника Гебеля (его постарались бы без лишнего шума взять под арест), и за Муравьевым-Апостолом пошло бы больше солдат и офицеров. Но оно все равно было бы подавлено – может быть, с несколько большим числом жертв. Киянская справедливо указывает, что восстание Черниговского полка было обречено из-за того, что солдаты видели избиение Гебеля, и после этого не воспринимали Муравьева-Апостола как легитимного командира – «причину отсутствия полкового командира от солдат скрыть было невозможно, и следование приказам командира батальонного [*то есть Муравьева-Апостола.* – Б.С.] из обязательного превратилось в сугубо добровольное» (с. 603). Все это привело к быстрому разложению полка и краху восстания. Попытка сделать из солдат идейных сторонников переворота посредством зачтения им сочиненного Бестужевым-Рюминым и Муравьевым-Апостолом «Православного катехизиса», где утверждалось, что «Бог не любит царей», которые «прокляты яко притеснители народа», полностью провалилась, и лидерам восстания, чтобы удержать в повиновении полк, пришлось призывать солдат хранить присягу Константину и врать про то, что к восстанию присоединились многие другие полки (с. 403, 612–613).

Восстание на Сенатской площади и выступление Черниговского полка, как показано в книге Киянской, по большому счету, были импровизациями. Лидеры декабристов решили воспользоваться ситуацией «переприсяги», чтобы поднять солдат. Но все приготовления приходилось делать в условиях нехватки



времени, что не могло не сказаться на качестве планирования и реализации замысла. Арест же Пестеля исключал скольконибудь успешное выступление на юге.

Возникает вопрос, как развивались бы события, выступи декабристы, как и планировали, в середине 1826 года – и до этого времени власти не имели бы сведений о заговоре, и никто из заговорщиков не был бы арестован. Надо признать, что и при таких – наиболее благополучных – обстоятельствах шансы на успех были невелики, если вообще они были. В Петербурге декабристам все равно не удалось бы привлечь на свою сторону большинство находившихся в столице полков, и, обойдись они без царевубийства, выступление декабристов закончилось бы столь же провально, как и в декабре 1825 года. Более того, если бы на троне в середине 1826-го по-прежнему оставался Александр I, то шансы на успех царевубийства были минимальны. Император не сидел в Петербурге, а путешествовал по России и за ее пределами (вспомним, как Пушкин назвал его «кочующим деспотом»). В этих условиях организовать покушение было сложно. На юге же, где в заговоре был ряд полковых командиров, выступление могло бы быть более успешным, осуществись оно по плану Пестеля с привлечением всех полков, на которые он рассчитывал. Но и тогда восставшим вряд ли бы удалось дойти до Петербурга, так как большинство подразделений 1-й и 2-й армий к ним не присоединились бы. Для успеха военного переворота, который происходит не в столице, а в провинции, необходимо наличие условий, которые стимулируют основную часть войск к переходу на сторону восставших. Такими стимулами обычно являются события, значительно ухудшающие положение солдат и офицеров. Однако никаких таких событий в 1825 году не произошло. Прав был Матвей Муравьев-Апостол, убеждавший брата Сергея, что «гвардейские полки после Семеновской истории подверглись серьезным изменениям» и «не подают больших надежд», солдаты «не так недовольны, как мы там думали», и «армия первой изменит нашему делу» (с. 492).

Почему в XVIII и в самом начале XIX века устроенные военными дворцовые перевороты в России были успешны, а заговор декабристов потерпел неудачу? Заговоры эпохи дворцовых переворотов и заговор декабристов отличались принципиально. Заговорщики, собиравшиеся свергнуть Петра III или Павла I, планировали переворот лишь в течение нескольких месяцев, имели конкретного претендента на престол, собирались физически ликвидировать неугодного монарха и опирались на поддержку большинства командиров полков, расквартированных в Петербурге. В случае с Павлом одним из руководителей заговора вообще был генерал-губернатор Петербурга. Заговорщиков объединяло только стремление поменять императора.

Никаких общих идей у них не было. Декабристы же были объединены прежде всего общностью идей – введением в России конституции и отменой крепостного права. Их заговор, если считать его началом создания Южного и Северного тайных обществ, до восстания на Сенатской площади существовал около четырех лет. За это время в среде декабристов неизбежно появились доносчики, и к декабрю 1825 года власти уже знали о заговоре и начали аресты некоторых его участников. Вместе с тем среди декабристов не было ни одного из командиров гвардейских полков, размещенных в Петербурге. Не было у них и своего претендента на престол, поскольку шли споры о будущей форме правления – конституционная монархия или республика. Не было единства и в вопросе царубийства. Все эти различия резко уменьшали шансы декабристов на успех по сравнению с «переворотчиками» 1762-го и 1801 года.

Киянская впервые публикует «Приговор (сентенцию) комиссии военного суда при Черниговском пехотном полку по делу майора 3-го батальона 3-й фушштатской бригады Н.С. Борщова, 28 июля 1825 г.» (с. 699–711). Председателем (презусом) комиссии был Сергей Муравьев-Апостол. Это дело привело его к мысли о том, что «одно только намерение не составляет виновность», поскольку «можно сделать много зла с самыми лучшими намерениями и принести много добра с самыми превратными намерениями» (с. 423). Соответствующую запись он сделал, находясь в Петропавловской крепости во время следствия и суда над декабристами, таким образом доказывая самому себе свою невиновность. Но к подобному убеждению подполковник пришел раньше, еще во время следствия по делу Борщова, обвиненного в «слабом командовании» обозным батальоном. В ходе почти полугодового следствия Муравьеву-Апостолу удалось доказать невиновность Борщова, так как вменяемые ему упущения либо не подкреплялись фактами, либо были вызваны обстоятельствами, не зависевшими от майора. И если бы не восстание Черниговского полка и признание Муравьева-Апостола государственным преступником, оправдательный приговор имел бы все шансы быть утвержденным. Правда, в итоге Борщов попал под амнистию и ушел в отставку без взысканий и с пенсией.

Киянская обратила внимание на участие двух рот Черниговского полка в подавлении крестьянских волнений в деревне Германовке в июле 1825 года. Роль полицейских была многим офицерам полка не по душе:

«Послав черниговцев усмирять восставших крестьян, власть способствовала превращению многих из них в решительных революционеров, не желавших становиться “зверями” и умирать “в дерьме” (здесь перефразируются слова Сергея Муравьева-Апостола «жить в надежде, умереть в дерьме»)» (с. 440).

Киянская показывает нам декабристов как живых людей, со всеми их достоинствами, недостатками и даже отталкивающими чертами. Но все равно и у автора книги, и у ее читателей остается стойкая симпатия к ним. Киянская подчеркивает, что «за декабристами, “людьми двадцатых годов”, нельзя не признать правоты; идея вооруженного сопротивления попала на подготовленную почву: власть обманула ожидания общества» (с. 660).

Недостатков у книги Киянской совсем немного, и они не принципиальны – ошибки носят частный характер. О командире Черниговского полка, подполковнике (в будущем – генерал-майоре) Густаве Гебеле, Киянская пишет: «Его отец, поляк, военный лекарь, вероятно, сам выслужил потомственное дворянство» (с. 419). Замечу, что имя и фамилия – Гебель – чисто немецкие, что указывает на то, что подполковник, как и его отец, все-таки был немец, а не поляк.

Автор книги утверждает, что генерал-губернатор Петербурга, граф Милорадович, был убит на месте на Сенатской площади (с. 559). Но Милорадович был там смертельно ранен, а умер несколько часов спустя, успев продиктовать завещание об отпуске на волю своих крепостных крестьян.

Киянская почему-то всюду пишет «корпусный командир» или просто «корпусный» в значении «командир корпуса», например: «Время, когда корпусный командир, генерал от кавалерии Николай Раевский-старший, героически на полях сражений, вдохновлял поэтов, давно прошло» (с. 508). Между тем в цитатах из писем современников, равно как и в их факсимильном воспроизведении, четко читается «корпусной»: «Наш корпусной [командир] Васильчиков себя замарал, потерялся и струсил, из мухи сделал слона» (с. 261). На факсимиле письма Сергея Муравьева-Апостола отцу на русском языке 18 ноября 1821 года отчетливо читается: «Корпусной командир разведал о том» (с. 693), тогда как Киянская расшифровывает: «Корпусный Командир разведал о том» (с. 696).

Необходимо отметить очень удачный подбор иллюстраций, преимущественно из гравюр, рисунков и картин первой половины XIX века, которые присутствуют почти на каждой второй странице книги. Они создают для читателя зрительный образ эпохи.